

Сразу по окончании войны маршал Константин Рокоссовский был назначен командующим Группой Советских Войск в Польше. Может быть, Сталин уже тогда имел на него виды как на Польского министра обороны? Нет доводов, чтобы дать утвердительный ответ на этот вопрос. Рокоссовский ни о чем не догадывался, так как военных, даже в званиях маршалов, вообще не информировали о политических планах. Не догадывался ни о чем и находившийся на вершине своей карьеры маршал Роя-Жимерский, когда 22 февраля 1949 г., в преддверии праздника Красной Армии, в окружении заместителей министра обороны и представителей партийных и правительственных властей приветствовал Рокоссовского как "дорогого гостя Войска Польского".

НАЗНАЧЕНИЕ

Второй раз Рокоссовский появился в Варшаве на празднествах, связанных с годовщиной июльского манифеста 23 июля 1949 г. На митинге, организованном по случаю открытия трассы "Восток — Запад", стоял рядом с Берутом и сразу после его выступления зачитал по-русски несколько ничего не значащих фраз. Зато многозначительно зазвучали слова, прочитанные следующим оратором, Роя-Жимерским (цитируются по тогдашней прессе): "С особым удовольствием и радостью приветствую в дни нашего праздника Освобождения Маршала Советского Союза Константина Рокоссовского, представителя героической Советской Армии. Маршал Рокоссовский, когда-то варшавский рабочий-строитель, который перед первой мировой войной работал на строитель-

стве моста Понятовского, принял свое первое боевое крещение в варшавском Павиаке... Как командующий Белорусским Фронтом вошел в Польшу во главе ее освободителей".

Таким образом общество было оповещено о существовании в рядах Красной Армии полководца, чье польское происхождение и связь с польским народом вскоре были соответствующим образом подтверждены. На следующий день во всей прессе появились фотографии "нашего Рокоссовского", знакомящегося с трассой "Восток — Запад", с описанием радостного приветствия со стороны населения Варшавы.

Рокоссовский стал польским министром и польским маршалом в 32-ю годовщину Октябрьской Революции. Сообщение Государственного Совета и Совета Министров гласило:

"На совместном заседании Государственного Совета и Совета Министров 6 ноября Президент Болеслав Берут сообщил: Президент Польской Республики Болеслав Берут, учитывая, что Маршал Рокоссовский является поляком и пользуется популярностью в польском народе, обратился к Советскому Правительству с просьбой о направлении, если это возможно, Маршала Рокоссовского в распоряжение Польского Правительства для службы в Войске Польском. Советское правительство, принимая во внимание дружеские отношения, связывающие СССР и Польшу, и учитывая, что Маршал Рокоссовский решение этого вопроса полностью предоставил в распоряжение Советского Правительства, согласился удовлетворить просьбу президента Болеслава Берута, освободив Маршала Рокоссовского, в соответствии с решением Президиума Верховного Совета СССР, от службы в Советской Армии и направил его в распоряжение Польского Правительства".

Вместе с сообщением опубликован целый пакет заранее заготовленных документов: о назначении Рокоссовского министром обороны; о присвоении ему звания маршала Польши (подписанном Берутом и ... Жимерским, как министром обороны); письмо Жимерского Беруту с просьбой об освобождении его с поста министра; письмо Берута Жимерскому "с согласием" с его просьбой. А так-же два приказа войскам. Один — Жимерского, в котором мы прочли, что на пост министра обороны назначен "великий солдат, воспитанный в славной сталинской школе полководцев", от чего "наш народ горд", и другой приказ — Рокоссовского как министра, где написано следующее: "С чувством... ответственности, которую я несу перед народом польским и польскими трудящимися, из которых я вышел, а также братского нам советского народа, который воспитал меня как солдата и полководца — принимаю доверенный мне пост... Вместе с Советской Армией встанем на страже мира, защитником которого является великий Сталин".

Эти оба приказа, подписанные также Эдвардом Охобом как заместителем министра по политической части, были прочитаны перед строем всех войсковых частей.

КОССТЯ ИЗ ВЕЛИКИХ ЛУК

А потом — волна пропаганды вылилась на всю страну, информируя в течение нескольких дней общество о "великом энтузиазме рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции городов и деревень", приветствующих "возвращение сына польского рабочего класса на родину". Энтузиазм выразил Сейм, выразили профсоюзы и различные общественные организации на многочисленных митингах и собраниях. Радовался также этому событию "весь передовой мир", хотя и "под аккомпанемент клеветнических измышлений империалистической прессы". В то же самое время Главное Политическое Управление армии распространило биографию Рокоссовского, фрагмент которой привожу: "Когда в памятный июль 1944 года советские войска форсировали Буг и начали освобождать польскую землю, радостные жители городов и деревень Любелыны, протискиваясь в благодарности к советским боевым машинам и автомобилям, обратили внимание на высокую, стройную фигуру командующего освободительных войск, который с улыбкой счастья пожимал тянувшиеся к нему руки. Когда заговорил, отвечая на обращенные к нему слова горячей благодарности, оказалось, что говорит на прекрасном, чистом польском языке. Поляк? Да, поляк, родом из Варшавы. Поляк — главнокомандующий освободительных советских частей! Ударом молнии разлетелась эта весть на пути освободительной армии. И парни надбужанские, учителя хелмские, рабочие люблинские — сотни тысяч поляков с гордостью повторяли, что во главе советских войск, освобождающих Любелыну, стоит соотечественник — варшавянин, славный маршал лучшей армии мира, который громит гитлеровских захватчиков, смотрит на освобожденных людей ясными польскими глазами и приветствует их сердечно на родном языке.

Таким было свидание Маршала Рокоссовского с родной землей — после 30 лет разлуки". ("Польска Збройна", ноябрь 1949 г.)

ОТ КАМЕНОТЕСА ДО МАРШАЛА

Вопреки энциклопедической в Польше биографии, Рокоссовский родился не в Варшаве, а в России, в Великих Луках Витебской губернии, 21 декабря 1896 г. Его отец, Ксаверий, был поляком; мать, учительница из Пинска, (Антонина Овсянникова) — русская. В Варшаве он оказался лет в шесть, так как отца, железнодорожного машиниста, направили туда в 1902 г. для обслуживания варшавско-венской железной дороги. Спустя два года отец погиб в железнодорожной катастрофе, оставив в доме на Праге, по улице Сталовой, 6, жену и четверых детей: 4-летнюю Елену, 8-летнего Константина, 10-летнюю Марию и еще одного сына, о котором мало что известно. Мать Константина умерла в 1911 г., сестра Мария — в 1915. Елена не покидала Варшавы до последних дней своей жизни; умерла в июле 1982 г. в возрасте 82 лет и похоронена рядом с отцом на Брудновском кладбище. После смерти матери, прервав из-за жизненной необходимости учебу после четырех лет начальной школы, будущий маршал работает в каменотесной мастерской Высоцкого на Праге, отсиживает короткое время в Павиаке за участие в манифестации в 1912 г., а в 1914 г., в момент начала войны, поступает в 5 Каргопольский Драгунский полк, начиная военную карьеру — так же, как и большинство советских маршалов во время второй мировой войны — как унтер-офицер кавалерии царской армии. В середине 1922 г. уже командует полком Красной Кавалерии, будучи уже в течение трех лет членом Коммунистической Партии Большевиков. Продвигается быстро. В 1927—28 гг. был в Китае в числе советников армии Чан Кай-ши, а в 1937 г., в звании комбрига становится командиром 5 кавалерийского корпуса в Пскове. Там же в августе 1937 г. был арестован и отсидел два с половиной года.

Об этот отрезок жизни Рокоссовского мало что было известно, поэтому, воспользовавшись выданным спокойным вечером во время пребывания с ним на маневрах в Советском Союзе, я спросил его прямо: как это было? Ответил без промедления, но, пожалуй, правдиво. Итак, в июле 1937, совершенно для него неожиданно, был снят с только что принятой им должности командира корпуса, а чуть позже схвачен на квартире в Пскове и переве-

зен в Ленинград, в заключение. Сидел там полтора года, обвиняемый в сотрудничестве с иностранной разведкой, от чего твердо отказывался, в то время как большинство его военных коллег признавались во всем, чего от них требовали. Наконец, вызвали его на последний допрос, который оказался последним не оказался. После сообщения ему, что он свободен и что "здесь случилась ошибка", Рокоссовский допустил кардинальный просчет: сказал проводившему с ним дружескую беседу генералу КГБ, что расскажет обо всем "выше". Результатом было то, что просидел еще год и только тогда был привезен в Москву и отдан под суд, опять же по обвинению в шпионаже.

Но это был уже март 1940 г., бушевала война в Европе, и по распоряжению Сталина выпускали многих заключенных и сосланных в лагеря высших командиров, жертв чистки 1937 г. По "приговору" судебной коллегии Рокоссовский был оправдан. Восстановленный в своем звании и должности, принял перед самой войной командование механизированным корпусом, а в первые месяцы войны — 16-й армией, ко-

торая прикрывала главное направление во время оборонительных боев под Москвой; в июне же 1942 г. стал во главе Брянского фронта (достигнув в возрасте 46 лет вершины военной карьеры). В течение военных действий руководит несколькими разными фронтами и оканчивает войну как один из выдающихся маршалов, пользуясь постоянной — что было редкостью — симпатией Сталина.

Среди советских маршалов, вообще не очень деликатно обращающихся с подчиненными, был он личностью скорее нетипичной, отличался пожалуй редко встречающейся в среде военного начальства культурой, исключительно элегантною образом жизни и скромностью. Конев, Жуков и многие другие внушали уважение страхом; Рокоссовского попросту любили. Пишут об этом в своих воспоминаниях все вспоминающие его советские генералы.

При этом интересно, что несмотря на многолетнюю привычку управлять тысячами людей, Рокоссовский не был личностью с решительным характером; отличала его своеобразная, хотя и видимая только при близком знакомстве, неуверенность в себе. Он должен был иметь рядом помощников, которые восполняли этот недостаток, поэтому немедленно по обосновании в Варшаве собрал командующих: авиацией — генерал-полковника Туркеля, флотом — контр-адмирала Виноградова, артиллерией — генерал-полковника Михалкина, танковыми войсками — генерал-полковника Сухова, известным ему по войне генералов, опытных специалистов в своих областях, а также людей очень энергичных, уверенных, "сильных", хотя с Польшей ничем не связанных, коренных россиян. Они-то во все время его министерства являлись его опорой, им он доверял в наибольшей степени, полностью развязав им руки в управлении вверенными им отраслями. А сам он, в свою очередь, был для них абсолютным авторитетом.

Область, в которой ему не нужна была никакая поддержка — это охота. Был отличным стрелком (мог пулей из штуцера подстрелить бегущего зайца) и охоте посвящал большую часть свободного времени. Территорией его охот был главным образом Ланьск, область лесов на Мазурах, зарезервированных в основном для правительства (такие же области были в окрестностях Вислы, Познани, в Тухольских Ворах, в Нижней Силезии), перед которым обычно как-то разбивались и разбиваются теперь всякие прокатывающиеся по нашей стране волны демократизации.

Итак, в этом деле Рокоссовский чувствовал себя абсолютно уверенно. Хотя, может быть, не только в этом. Высокий, элегантно, спортивный — пользовался огромным успехом у женщин, которого, скорее всего, просто не замечал, поскольку до конца оставался с той же самой женой, милой и очень культурной женщиной, что среди советских маршалов тоже было чем-то необычным.

Управляя в Польше военным ведомством, 53-летний в это время Маршал Польши оставаясь и дальше Маршалом Советского Союза (как и Фердинанд Фох, который звание маршала получил в трех странах: во Франции, в Польше и в Англии), был — практически — фигурой вполне автономной, не подлежавшей никакому контролю со стороны Польских властей. Назначенный три года спустя вице-премьером и введенный в состав Политбюро (в ноябре 1952 г.), достиг с первой попытки всех труднодоступных для отраслевого министра позиций в руководстве партии и государства. Только через тридцать лет генерал Ярузельский побьет этот выдающийся рекорд, исполняя, кроме руководителя Вооруженных сил, обязанности премьера и первого секретаря партии.

Любая армия есть, как правило, организация эксклюзивная, закрытая для контроля со стороны организаций, осуществляющих надзор за соблюдением гражданских прав, поэтому всегда можно все, что хочешь, подвести под понятие военной тайны, исключив всякую возможность постороннего контроля. Появление Рокоссовского во главе армии усилило это явление и сделало из нее нечто вроде государства в государстве. Любое решение Маршала в широкой сфере, называемой обороноспособностью государства, было решением, не подвергавшимся сомнению. Если добавить сюда политический смысл — а было то во время "холодной войны", и военные вопросы играли тогда важнейшую роль — можно себе представить, как сильна была его позиция в Польше.

Все это влекло за собой существенный рост влияния армии вообще. В итоге — в первой половине 50-х